

С. В. Талантов (Москва)

К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ ШАШКИ НА КАВКАЗЕ И ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Д О ТОГО КАК перейти непосредственно к теме нашей статьи, необходимо вспомнить, что представляет собой шашка, рассмотрев её характеристики, данные разными авторами в последние десятилетия. Прежде всего, можно вспомнить определение, данное Э. Г. Аствацатурян: «Шашка представляет собой разновидность сабли... она обладает более коротким клинком, не имеющим штыкового конца и защиты для руки»¹. «Рукоять представляет собой наиболее оригинальную часть шашки, отличающую её от сабли. Цельная рукоять надевается на хвостовик; если же она состоит из двух половин, то эти половинны накладываются на хвостовик с обеих сторон и скрепляются друг другом при помощи заклёпок. Черен имеет преимущественно овальное сечение... Головка рукояти крупная... Сверху на головке имеется клинообразный вырез... — уши. Крестовины для защиты рукоять не имеет»². Известный специалист по холодному оружию А. Н. Кулинский определяет шашку так: «Шашка — клинковое оружие (в иностранной литературе считается разновидностью сабли) с клинком незначительной кривизны и эфесом с простой гардой или без неё»³. «Первоначально на вооружении русской иррегулярной кавалерии состояла шашка кавказского типа, имеющая клинок небольшой кривизны с дулезвийным боевым концом и эфес, состоящий только из рукояти и с раздваивающейся головкой без каких-либо защитных приспособлений. Такой типичный кавказский эфес можно считать одним из основных признаков шашки как вида холодного оружия»⁴. Современный американский исследователь К. Ривкин пишет о шашке следующее: «Шашка — рубящее оружие, относительно короткое (60—90 см), лёгкое, крайне простой

конструкции... Гарды на шашке нет... Рукоять изготовлена из рога, на дорогих образцах — из моржового клыка..., заканчивается раздвоенными ушами... Рукоять кавказской шашки утапливается в ножны, из которых остаётся видна только её верхняя часть»⁵.

То есть, все авторы сходятся на том, что шашка — это разновидность сабли с клинком небольшой кривизны, рукоятью без гарды и с навершием характерной формы в виде раздвоенных «ушей», устроенной так, что входит в устье ножен по головку. Также подавляющее большинство авторов считают отличительным признаком шашки особый способ её ношения.

Долгое время достоверной информации о бытовании шашки в XVIII в. в специальной литературе по кавказскому оружию практически не встречалось. Источником редких ссылок по этому вопросу обычно являются описания вооружения кавказских народов, составленные этнографами в ходе путешествий и экспедиций. Такие данные, безусловно, ценны для исследователей, но, на наш взгляд, передают только избирательную информацию, которую авторам удавалось почерпнуть в ходе собственных наблюдений во время путешествия. К сожалению, оружию в таких работах обычно уделялось недостаточно внимания. Кроме того, в подобных источниках объективность оценок и суждений может не соответствовать тем требованиям, которые формирует современный запрос на источники информации надлежащей степени точности и достоверности. Многие авторы, оставившие записки о своих путешествиях, разбирались в местной оружейной терминологии не настолько хорошо, чтобы использовать в тексте специальный термин, отличающий увиденный предмет вооружения от сабли. Так, российский офицер Леонтий Леонтьевич фон Штедер, совершавший путешествие по Кавказу в 1781 г., описал вооружение осетин, состоявшее в том числе «из лёгкой хорошей сабли, которая более прямая, чем изогнутая»⁶. Не исключено, что таким образом могла быть описана шашка, однако, из-за незнания соответствующего названия увиденного им оружия Штедер использовал известное ему слово «сабля». Еще более детальным является описание длинноклинкового оружия осетин, составленное профессором Дерптского университета Моритцем фон Энгельгардтом, совершившим в 1811 г. путешествие на Кавказ: «Оружие осетин похоже на оружие остальных кавказских народов и состоит из ружья турецкой работы, слегка изогнутой сабли, которая не имеет рукоятки, но снабжена ручкой; она входит

в ножны до набалдашника»⁷. На наш взгляд, описание эфеса здесь выглядит несколько путанным, так как, вероятно, внимание переводчика не было сфокусировано на точности перевода специфических терминов, связанных с оружием. Интересующий нас отрывок в оригинальном тексте 1815 года издания выглядит следующим образом: «...einem schwachgekrümmten Säbel, der ohne Bügel, bloß mit einem Griff versehen, bis an den Knopf in der Scheide steckt»⁸ и может быть переведён, с учётом принятой в современном оружейоведении терминологии, как «...слегка изогнутой сабли, которая не имеет дужки, но снабжена рукоятью, входящей в ножны до навершия (головки)». Очевидно, что описанная автором «сабля» обладала характерными признаками шашки, однако название этого вида оружия было ему незнакомо.

На сегодняшний день одним из вопросов, связанных с шашкой, является достоверная информация о её бытовании в XVIII в. Некоторые специалисты по историческому оружию в публичных дискуссиях в сети Интернет ещё недавно скептически относились к информации о распространении шашки в XVIII в. у казаков и некоторых кавказских народов. Необходимо отметить вклад оружейоведа и специалиста по казачьему оружию А. Ю. Кузнецова (Нальчик, Россия), который первым инициировал общественную дискуссию о бытовании шашки в XVIII в. у казаков и, тем самым, привлёк внимание сообщества оружейоведов к данному вопросу. В нашей статье мы обращаемся к официальным документам второй половины XVIII в., связанным с взаимоотношениями российской администрации с кавказскими народами, и документам по Войску Донскому, в которых встречаются упоминания этого специфического длинноклинового оружия.

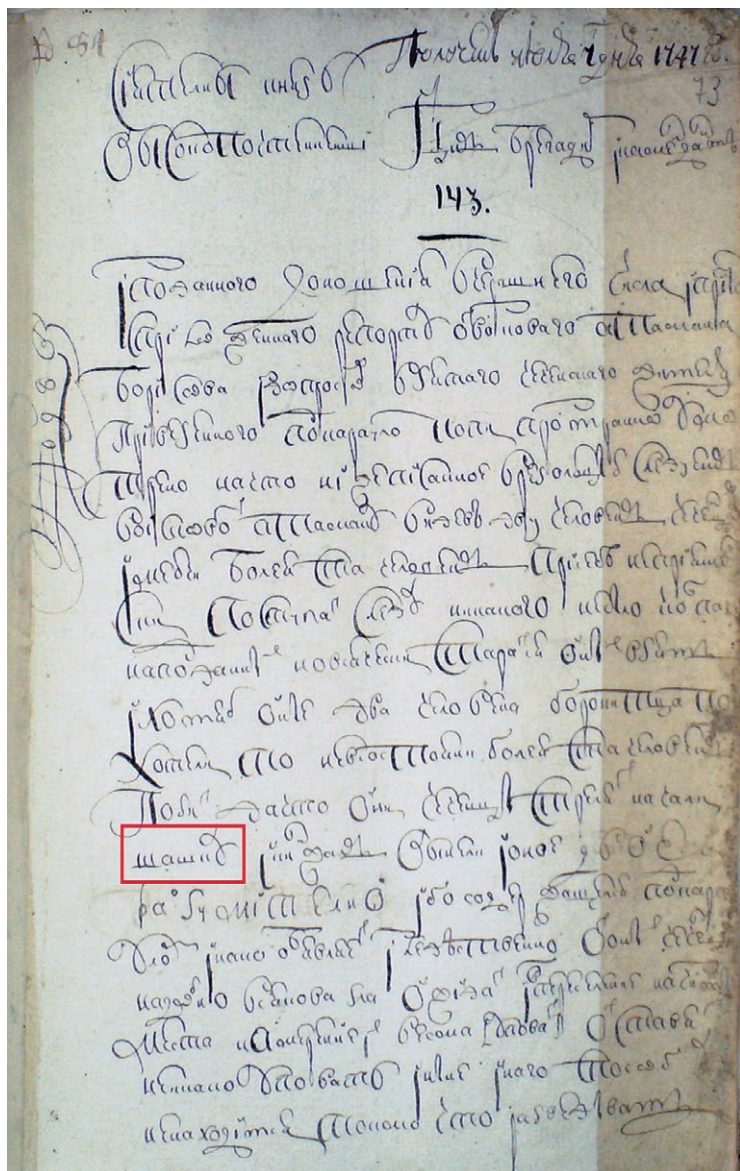
Как известно, самые ранние известные на данный момент изображения шашки зафиксированы на фресках второй половины XVII в. в церквях Западной Грузии⁹ и на миниатюрах в восточногрузинской рукописи «Ростомииани» того же периода¹⁰. Безгардовое длинноклиновое оружие упомянуто в виде термина «лекури» в «Толковом словаре грузинского языка», который составил на рубеже XVII—XVIII вв. грузинский государственный деятель и просветитель Сулхан-Саба Орбелиани¹¹. Учитывая тесные связи Грузии с народами Северного Кавказа, можно уверенно предположить, что шашка была хорошо известна и бытовала по обе стороны Кавказского хребта. Так, одно из первых упоминаний шашки встречается в предписании командующего войсками

в Кизляре генерал-лейтенанта Андрея Петровича Девица кизлярскому коменданту Василию Елисеевичу Оболенскому от 6 июля 1747 г., в котором речь идет о стычке казаков с чеченцами: «Да что они, чеченцы, стрелять начали, **шашку** и кинжал вынели...»¹². Особого внимания, помимо шашки, в этом документе, безусловно, заслуживает кинжал. Хотя это и не касается темы статьи, но в контексте вопроса о появлении на Северном Кавказе кинжалов с прямыми клинками датировка документа представляет значительный интерес. Возможно, перед нами одно из самых ранних известных упоминаний кинжала как элемента вооружения на Северном Кавказе в XVIII в. Мы не знаем, являлся ли упомянутый предмет кинжалом типа «кама», но вероятность бытования такого кинжала в комплексе с ружьём и шашкой, на наш взгляд, достаточно велика. Надеемся, что публикуемое в нашей статье изображение указанного выше документа 1747 г. будет интересным для читателя (ил. 1, 2).

В Описании кабардинского народа 1748 г. из материалов Коллегии иностранных дел про оружие сказано следующее: «А сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца, да и панцыря редкой человек не имеет. Пищали у них крымские и кубачинские, и больше винтопальные, но притом короткие и лёгкие. Они при драке их с неприятельми ис пищалей стреляют каждой только один раз, а потом все саблями и сашками рубят и колют»¹³. По мнению большинства исследователей, слово «сашка», приведённое здесь — это вариант написания слова «шашка».

Также представляет интерес описание вооружения гребенских казаков середины XVIII в. из «Портфелей Миллера»¹⁴, где, помимо прочего оружия, упомянуты шашки и сабли¹⁵. Заметим, что по предположению известного кавказоведа, доктора исторических наук профессора В. Б. Виноградова описание гребенских казаков составил военный инженер Александр Иванович Ригельман¹⁶, посещавший Кизляр по службе в 1757 г.¹⁷

Особый интерес в контексте темы статьи представляют материалы, содержащие информацию о бытовании интересующего нас оружия непосредственно во второй половине XVIII в., к которым мы обращаемся далее. Существовавшие экономические и культурные связи между народами Кавказа и Российской империей способствовали достаточно интенсивным дипломатическим отношениям. Помимо светских отношений нельзя не упомянуть активную миссионерскую деятельность грузинской епархии по обращению

Ил. 1. Предписание командующего войсками в Кизляре А. П. Девица кизлярскому коменданту В. Е. Оболенскому, 1747 г. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 154. Л. 73

в христианство северокавказских народов и создание в середине 1740-х гг. Осетинской духовной комиссии, которую возглавил архимандрит Пахомий. Основные усилия проповедников были направлены на крещение осетин и соседних с ними народов, в том числе ингушей. В донесении архимандрита Пахомия кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу от 29 ноября 1759 г., в котором описано нападение кабардинцев на ехавших из Осетии в Кизляр самого архимандрита «с некоторыми духовными персонами и новокрещённым киштинским старшиною Аврамом и с родным ево Аврама племянником Мирзюю, которые от киштинского народа отправлены были до вашего превосходительства для общекиштинского народного дела с представлением»¹⁸, перечислено оружие, отнятое у последних кабардинцами: «А старшину с племянником ево вторично поймали и завезав им назад руки, обобрав у них ружий и **шашки**...»¹⁹.

Опасность, исходящая от Персии, вынуждала грузинских царей просить защиты у России. Так, в 1760 г. картлийский царь Теймураз II выехал в Санкт-Петербург, чтобы просить помощи у императрицы Елизаветы Петровны. Прибыв в столицу весной 1761 г., картлийский царь был принят императрицей, однако переговоры о военно-политической поддержке не увенчались успехом. Находясь в Санкт-Петербурге, Теймураз II умер в январе 1762 г., откуда его тело было вывезено и похоронено в Астрахани. В описании вооружения свиты умершего картлийского царя, проезжавшей летом того же 1762 г. обратно из России в Грузию через Кизляр, упомянуты «ружей пятьдесят, сабель и **шашек** семьдесят шесть»²⁰.

После основания в 1735 г. российского форпоста на Северо-Восточном Кавказе — Кизлярской крепости, где был организован таможенный пост («карантин»), торговые пути из Закавказья через Дербент и Дарьяльское ущелье проходили через кизлярскую пограничную таможню. Кизляр стал основным административным и торговым центром в регионе, куда приезжали за необходимыми товарами казаки и представители местных народов. Позже, в 1763 г., была основана крепость Моздок, также ставшая важным пунктом на торговом пути из Грузии и центром торговли с северокавказскими народами²¹. Периодически в отношениях между российской администрацией и отдельными объединениями кавказских народов возникало напряжение, которое, помимо боевых действий, выражалось в торговых и экономических

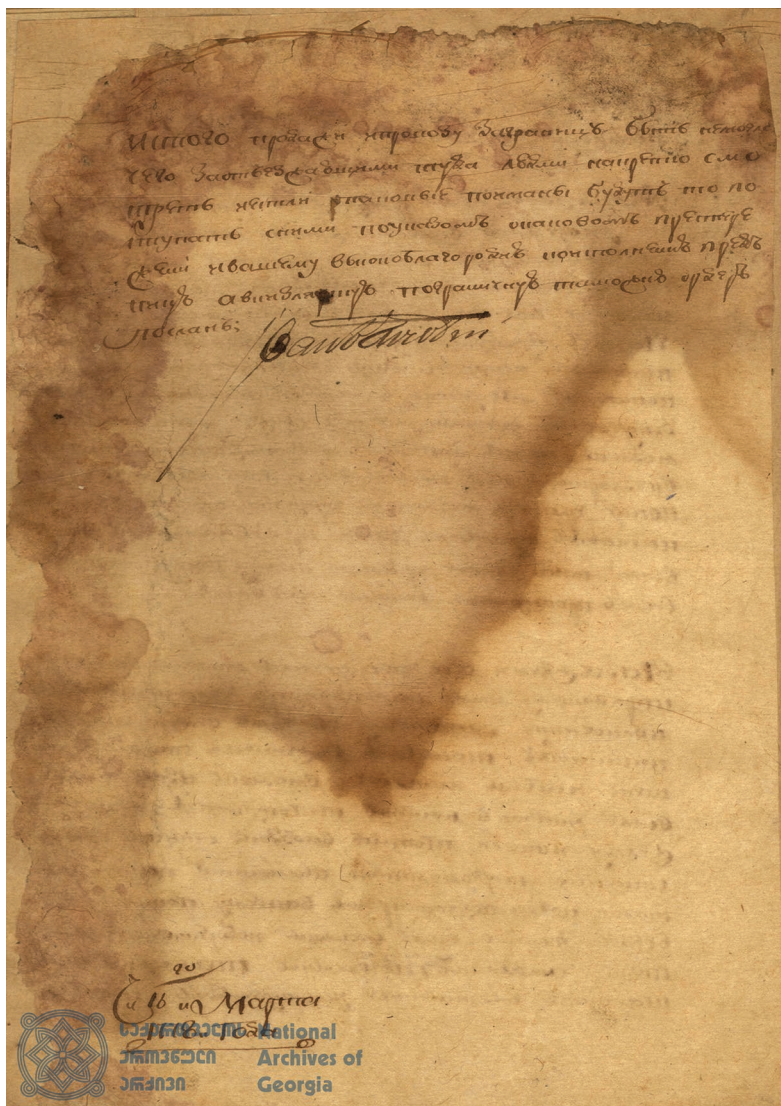
санкциях. В реестре взятого кизлярским комендантом Николаем Алексеевичем Потаповым у кабардинских князей скота от 10 декабря 1768 г. перечислено вооружение находившихся при этом событии кабардинцев: «ружей, в том числе крымской работы и серебряную оправой два — 15, **шашек** — 2» — у одной группы, «ружей — 2, **шашек** две, кинжал один» — у другой²². Несомненно, кроме прочих предметов вооружения особого внимания здесь заслуживает упоминание кинжала. Однако вопрос о бытовании этого вида оружия на Северном Кавказе выходит за рамки статьи и станет темой нашего отдельного исследования. Заметим, что этот во всех отношениях интересный документ, опубликованный в 1957 г., к сожалению, ранее оставался без должного внимания большинства исследователей кавказского оружия.

Крепости Кизляр и Моздок в XVIII в. (за исключением периода 1785—1790 гг., когда они были включены в виде уездов в состав временно образованной Кавказской губернии) входили в состав Астраханской губернии и, соответственно, были в подчинении астраханского губернатора. В 1778 г. во время восстания кабардинцев астраханский губернатор генерал-майор Иван Варфоломеевич Якоби «прекратил продажу им (*кабардинцам*) (курсив наш. — С. Т.) из Моздока и Кизляра вещей, к вооружению необходимо потребных»²³. В ордере (приказе) генерал-майора Якоби моздокскому коменданту А. Иванову написано следующее: «Присланным ко мне репортом вашим представляется, что торгующие в Моздоке жители и приезжие из Грузи[и] за привозом ими ис Кизляра продают тамо ружей[ные] новые стволы, **шашечные полосы**, шинное железо и свинец, что всевысочайшими указы, хотя за границу пропускать не велено, но по неограниченности тамошней около крепости открытости караулами, потаённых провозов усмотреть невозможно, то и требовать запрещенія о неотпуске сих оружей и металлов в Моздок. А как и в самом деле по многomu состоянию в Кизлярском крае азиатского народа, а особливо в самом конце границ Моздоцкой крепости никакая бдимость тайных провозов того пресечь не может быть в силах, как единое средство к тому воспрепятствованию приступить несколько поодаль. В рассуждении сего посланным от меня в Кизляр к правящему тамо комендантскую должность подполковнику Заметаеву ордером велено: из предписанных товаров ружейных стволов, **шашек** и сабель ис Кизляра в Моздок и за границу, в силе указов, ни с кем не пропускать; да и свинцу, железу

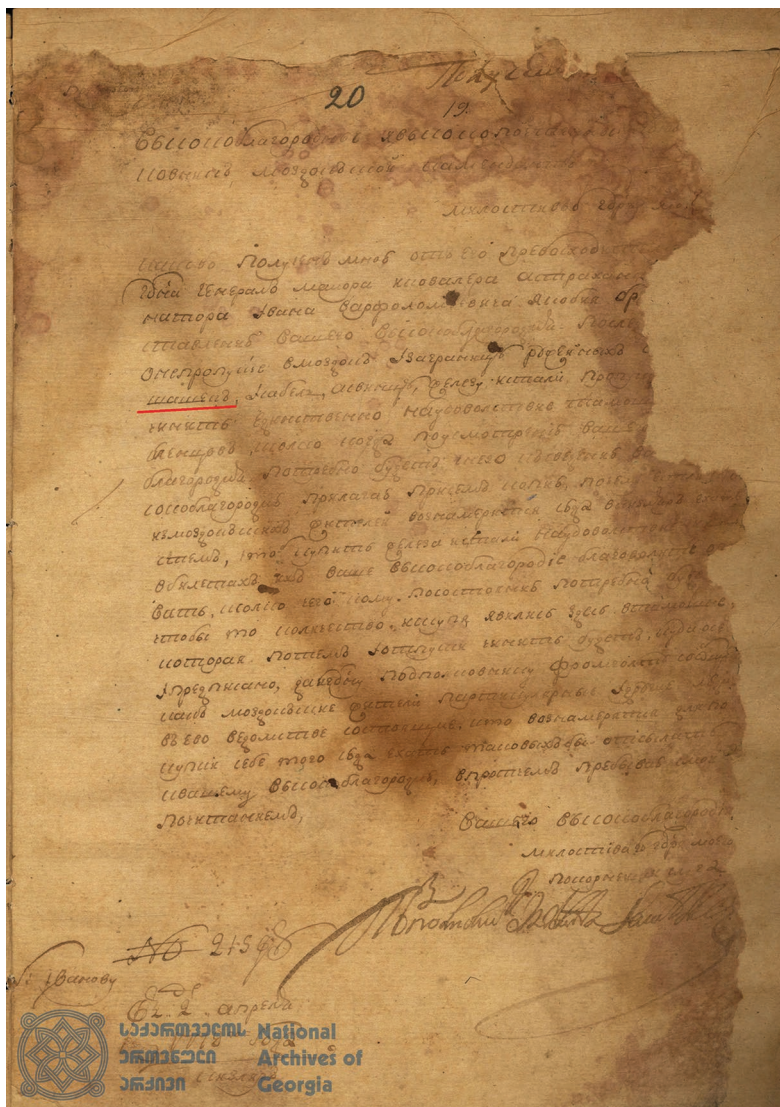
и стали отпуск в Моздок чинить единственно на удовольствие тамошних поселенцев, сколько когда, по усмотрению вашему, потребно будет. В чём и иметь Вам сношение и общественное соглашение с кизлярским комендантом и пограничною таможенною, но с крайним о излишестве усмотрением, чтоб ис того продажи и провозу за границу быть не могло, чего за отъезжающими туда людьми накрепко смотреть, и есть ли таковые пойманы будут, то поступать с ними по указом, о каковом престоережении и вашему выполнению предписую, а в Кизлярскую пограничную таможенную ордер послан»²⁴.

В результате сложившихся обстоятельств, из-за невозможности осуществления контроля ограничений на продажу оружия за пределами Моздока, временно был запрещён провоз оружия из Кизляра в Моздок. В предписании кизлярского коменданта И. Заметаева моздокскому коменданту А. Иванову также говорится «о непропуске в Моздок и за границу ружейных с[т]волов], **шашек** и сабель»²⁵. В нашей работе мы впервые приводим оригиналы этих, на наш взгляд, весьма интересных документов 1778 г. (ил. 3–5).

Из вышеупомянутых приказа и предписания следует, что из Грузии на Северный Кавказ привозились шашечные «полосы» — клинки, которые продавались местными торговцами не только в самих российских крепостях, но и вывозились на продажу «за границу» — в Кабарду и территории других народов. Очевидно, что клинки собирались с рукоятями и «одевались» уже на месте мастерами, работавшими в различных региональных центрах. Кавказские мастера приезжали в российские города-крепости для занятия ювелирным промыслом. В 1764 г. в рапорте в Коллегию иностранных дел атаман Войска Донского Степан Ефремов сообщает, что в Черкасск из Кабарды приехал «для оправки работою здешним казакам ружей, сабель и протчей поделки Исмаил Аджи с товарищи»²⁶. Кумыкский шамхал Муртазали в письме от 1 мая 1772 г. просил кизлярского коменданта Фёдора Ивановича Паркера оказать возможное содействие мастерам серебряных дел, выехавшим в Кизляр для промысла: «В(ашему) Высокор(одиу), приятелю моему чрез сие объявляю, что при сем отправилась ближнии мои люди до вас в Кизляр Юсуп и Мамат, которые умеют серебряное мастерство и будут тамо тем пропитатца»²⁷. Также необходимо упомянуть, что оружие являлось ликвидным товаром при натуральном обмене в регионе, часто заменяя

Ил. 4. Ордер астраханского губернатора П. В. Якоби моздокскому коменданту А. Иванову о запрещении вывоза за границу ружейных стволов, шашечных полос, железа и свинца и установлении соответствующего надзора. 1778 г. Государственный архив Грузии. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 об.

Ил. 5. Предписание кизлярского коменданта П. Заметаева моздокскому коменданту А. Иванову об ограничении торговли металлами, ружейными стволами, шашками и саблями, во избежание их вывоза за границу. 1778 г. Государственный архив Грузии. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 8. Л. 20

деньги. В показаниях осетина Курмана Маремкулова, данных в Моздокской комендантской канцелярии в апреле 1784 г., о сбежавшем грузине Клахе Иванове перечислены товары, за которые последний был куплен в 1783 г. у другого осетина, захватившего Иванова и его родственников во время набега: «А отдано за него 100 баранов, 2 ружья, 2 **шашки**, 9 скотин рогатых, материи полушелковой и бумажной ценою на 20 рублёв»²⁸. Заметим, что нападения на грузинские селения и грабежи купеческих караванов, совершавшиеся представителями горских народов, в рассматриваемый период не были редкостью. Так, ограбленному представителями одного из осетинских обществ при проезде через Дарьяльское ущелье в 1780 г. купцу предлагалось вернуть отнятый товар — взамен горскому старшине должны были быть привезены «лошадь, ружье, **шашка с прибором** и панцырь»²⁹. Заметим, что шашки бытовали и у самих купцов, занимавшихся торговлей на Северном Кавказе. В документах Кизлярской комендантской канцелярии 1781 г. имеются описания личного вооружения восточных и армянских купцов — жителей Кизляра, ехавших с товаром в Тарковскую деревню (Тарки) и Андреевскую деревню (Эндирей). Помимо кинжалов, пистолетов и ружей в этих документах упомянуты и шашки³⁰.

Необходимо отметить, что шашка, являясь разновидностью восточного длинноклинкового оружия, не «приняла» восточные сабельные клинки известных типов: плоские персидские, типичные для шамширов, и широкие турецкие с характерной геометрией и структурой долов, типичные для сабель, называемых «кльч» или «пала». Значительное количество клинков для кавказских шашек импортировалось из Европы. Немаловажно, что как было указано выше, астраханский губернатор в своем приказе упоминает не только сами шашки наряду с саблями, различая эти виды оружия, но и шашечные полосы, что исключает вероятность несоответствия названия оружия «шашка» его современному значению в оружейведении. Из российских документов второй половины XVIII в., составленных на Кавказе и Дону, ясно следует, что писавшие их лица достаточно разбирались в оружии и знали разницу между шашкой и саблей, упоминая оба вида оружия.

В то же время столичные чиновники могли путать эти виды оружия. Примером подобной неточности может служить шашка из собрания великого князя Петра Фёдоровича (с 1762 г. — императора Петра III), хранящаяся в Оружейной Палате (инв. № ОР-4003)³¹ и названная в дворцовой описи 1763 г. «саблей казачьей»³²,

несмотря на то, что предмет обладает всеми характерными для шашки признаками: шашечным эфесом, утапливаемым в ножны, и подвесом лезвием вверх³³. Обратим внимание, что в той же описи упомянуты другие «сабли казацкие»³⁴, и, судя по тому, что шашка Петра III названа в этой описи саблей, можно осторожно предположить, что некоторые из этих «сабель казацких» — на самом деле шашки. В описании этих предметов упомянуты признаки, косвенно подтверждающие наше предположение: клеймо на клинке, вероятно являющееся известным на Кавказе «волчком» — «на клинке волк»³⁵, и детали отделки — «гриф костяной чёрный»³⁶, «оправа серебряная вызолоченная», «оправлена серебром с чернью и портупея с набором»³⁷. Однако, для подтверждения нашего предположения требуется дополнительное исследование, поиск упомянутых предметов и сопоставление их с описаниями. Судя по названиям «сабля казачья» и «сабля казацкая», эти предметы, очевидно, ассоциировались у составившего опись чиновника с казаками, и мы можем предположить, что они оказались в Оружейной комнате императора в качестве подарков от казаков одной из лёгких или зимовых³⁸ станиц, находившихся в столице.

Нам известно о созданных в 1775 г. по повелению Екатерины II Донской и Чугуевской конвойных казачьих команд, которые были вооружены шашками, изготовленными для них на Тульском заводе в 1777 г.³⁹ Очевидно, принятие этого оружия на вооружение казачьих конвойных команд говорит о том, что к тому времени среди донских казаков шашка была распространена настолько широко, что ее предпочли сабле. В «Истории о Донских казаках», написанной в 1778 г. инженер-генерал-майором А. И. Ригельманом, уже упоминавшимся выше, говорится о вооружении донских казаков: «Оружия их: ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли»⁴⁰. Ригельман находился на Дону в 1760—1770-е гг., где мог воочию видеть вооружение донских казаков. Заметим, что в документах по Донскому войску этого периода упоминания шашки встречаются регулярно. Так, старшина Василий Янов в рапорте от 26 марта 1770 г. «О разрешении ему некоторых вопросов по предмету назначения казаков к переселению в Азов и Таганрог» на имя атамана Войска Донского Степана Даниловича Ефремова пишет: «те наряжённые⁴¹ казаки не каждой имеет у себя такое оружие, какое в инструкции означено, а имеют по своему казацкому обыкновению одни из них ружья, сабли и **шашки**, а другие по паре или по одному пистолету

и пике...»⁴². В конце 1770-х гг. создавалась новая укреплённая Азово-Моздокская линия, куда на службу переводились казаки донских полков. В списке старшин и казаков, переводимых на линию в 1777 г., перечисляется их вооружение, где, помимо сабель, упомянуты и шашки⁴³. Представляет для нас интерес и список казаков из «Дела о поголовном походе (донских) казаков в Таврию» 1787 г., в котором перечислено оружие, которым был вооружён каждый казак из списка, — это сабли, шашки, дротики, ружья и пистолеты⁴⁴. Для наглядности мы сочли уместным опубликовать изображение одной из страниц этого документа (ил. 6).

Известны случаи, когда казаки убегали на Дон со службы и по подобным фактам производились следственные действия. В «Судном деле над чинами донских казачьих полков Денисова и Грекова, бежавших из Крыма» 1794 г. мы встречаем следующее описание вооружения 65 беглых казаков, в котором, помимо огнестрельного и древкового, перечислено и холодное оружие: «двадцать три **шашки** в железной оправе с поесками⁴⁵ и из них одна без поеска, двадцать сабель кривых простых в железной оправе с поесками, шесть сабель наподобие штацких с железною оправою, из коих одна без поеска, пять сабель с медною оправою, из коих одна штатская без поеска»⁴⁶.

Подводя итог нашего исследования, можно утверждать, что представленные нами документы неопровержимо свидетельствуют о том, что шашки у донских казаков в рассматриваемый период являлись распространённым длинноклинковым оружием наряду с саблями. Бытование же шашки на Кавказе и Дону говорит о тесных культурных и экономических связях между различными народами, населявшими эти регионы.

Также мы надеемся, что с учётом представленных в статье материалов, ранее не публиковавшихся в литературе по кавказскому оружию, некоторые выводы и предположения известных и уважаемых нами авторов о времени появления шашки в Дагестане и Грузии, такие как: «Дагестанские шашки появились под влиянием черкесских... и среди них, пожалуй, не встречаются клинки ранее XIX в. Письменные источники по Дагестану в XVIII веке также не упоминают шашку»⁴⁷ и «Грузинские шашки появляются, по-видимому, на рубеже XVIII—XIX вв.»⁴⁸, будут пересмотрены в работах современных исследователей.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, сложившаяся на сегодняшний день тенденция выделять и рассматривать

определённые виды оружия в контексте одной этнической группы, сословия или народа мешает изучению бытования оружия в масштабе всего региона и единого социокультурного пространства, которым является Кавказ. Данной статьёй мы пытаемся несколько скорректировать вектор изучения кавказского оружия и надеемся, что наши скромные изыскания будут полезны другим исследователям в их работе.

¹ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 50.

² Там же. С. 58.

³ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 15.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ Ривкин К. Холодное оружие Кавказа. Определитель. Альманах № 7/2012. История оружия. Музей истории оружия. Запорожье, 2012. С. 34–35.

⁶ Калоев Б. А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 27–70.

⁷ Там же. С. 183–195.

⁸ von Engelhardt M., Parrot Fr. Reise in die Krym un den Kaukasus. Berlin, 1815. Т. 1. S. 188.

⁹ Талантов С. В., Двалишвили Л. Б. Изображения шашки в монументальной живописи Западной Грузии XVII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. Ч. 2. С. 394–407.

¹⁰ Цурцумия М. Средневековое грузинское войско (900–1700): Организация, тактика, вооружение. Тбилиси, 2016 (на груз. яз.).

¹¹ Орбелиани Сулхан-Саба. Толковый словарь грузинского языка XVII–XVIII вв. Тбилиси, 1949. С. 329 (на груз. яз.).

¹² Ахмадов Я. З. Чечено-русские отношения в XVIII веке. Грозный, 2019. Т. 1. С. 219.

¹³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 158.

¹⁴ Портфели Герхарда Фридриха Миллера – комплекс коллекций исторических материалов, собранных академиком Г. Ф. Миллером (1705–1783), одним из крупнейших историков XVIII в., служившим (с 1766), управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел (1775), а также личный и творческий архив учёного.

¹⁵ Косвен М. О. Описание гребенских казаков XVIII века // Исторический архив. 1958. № 5. С. 181–184.

¹⁶ Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. № 3. 1972. С. 32.

¹⁷ Оразаев Г. М.-Р. Тарихи Кызларкала. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 215.

¹⁸ Блиев М. М. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 415.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1976. Ч. II. Документ № 210.

- ²¹ Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. Тбилиси, 1968. С. 222–223.
- ²² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 286.
- ²³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 51.
- ²⁴ Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. С. 210–211.
- ²⁵ Там же. С. 211.
- ²⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. С. 235.
- ²⁷ Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в.: Сб. документов. М., 1988. С. 144.
- ²⁸ Тамрекели В. И. Межкавказские политические и торговые связи восточной Грузии (конец 60-х — начало 90-х годов XVIII в.) // Документы и материалы. Тбилиси, 1980. Вып. I. С. 164–165.
- ²⁹ Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом. С. 213.
- ³⁰ Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. С. 167–168.
- ³¹ Левыкин А. К. Московский Кремль: Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 150.
- ³² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 130.
- ³³ Левыкин А. К. Московский Кремль: Императорская Рюст-камера. С. 150.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 130 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Гриф костяной чёрный — вероятно, так назван эфес из рога.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61274. Л. 130 об., 132 об.
- ³⁸ Зимовая станица — специальное казачье посольство к союзникам, в первую очередь в Московское государство, сношение с которым поддерживалось с XVII в. через Посольский приказ. Называлась зимовой, поскольку посольство отправлялось в Москву обыкновенно зимой, а возвращалось весной по талой воде. В зимовые станицы включалось от 80 до 150 казаков. Отряжались они почти ежегодно для получения от русского царя жалования, огнестрельных припасов, хлебного довольствия и т. п.
- ³⁹ Леонов О. Г. Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II. М., 2010. С. 104.
- ⁴⁰ Ригельман А. И. История или Повествование о донских казаках. М., 1846. С. 136.
- ⁴¹ Наряжённые — отправляемые.
- ⁴² Труды Донского войскового статистического комитета. Отдел второй. Материалы для истории войска Донского. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 18.
- ⁴³ Гусев В. А. Служба донских казаков, XVIII век. Отставные казаки Войска Донского, 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. XII. Волгоград, 2019.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Поесок (поясок) — португя.
- ⁴⁶ Гусев В. А. Служба донских казаков, XVIII век. Мятаж на Дону по случаю указа о поселении семейных казаков на Кавказскую линию: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. XI. Волгоград, 2018.
- ⁴⁷ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 211.
- ⁴⁸ Там же. С. 344.